

Рисунг.
Масло

Филип Гласс сыграл по записанному

В Москве выступил знаменитый минималист

Коммерсантъ 8 — 2003 — 1 дек. — с. 21

концерт киномузыка

В Московском Доме музыки выступил живой классик современной музыки Филип Гласс (о его концерте в Петербурге „Ъ“ писал 29 ноября). ИРИНА КУЛИК нашла, что музыкальное сопровождение Филипа Гласса позволило по-новому оценить старый шедевр авторского кино — «Коянискацци» Годфри Реджио.

Для своего первого выступления в России Филип Гласс выбрал один из самых знаменитых своих опусов и отнюдь не академическую форму концерта. Композитор и его ансамбль вживую озвучили фильм Годфри Реджио «Коянискацци». Фильм был снят еще в 1983 году. Тогда этот бессюжетный и бессловесный полуторачасовой каталог всех мыслимых образов нашей планеты — от надмирных облачных ландшафтов до неисчислимых людских потоков на улицах современных мегаполисов — был чем-то совершенно необычным даже для авторского кинематографа.

Филип Гласс рассказывал московской публике, что в момент выхода «Коянискацци» почти никто не воспринял всерьез. О нем говорили даже не как об авангардном эксперименте, но как о «фильме хиппи» — этаком случайно-красивом видеоряде для пси-

В старом саундтреке Филипа Гласса заранее пережита скорбь от недавних мировых катаклизмов ФОТО ИЛЬИ ПИТАЛЕВА

ходелических медитаций. Двадцать лет спустя «Коянискацци» может показаться почти банальным — эксперимент Годфри Реджио были приняты к сведению даже рекламщиками и клипмейкерами. Но концерт в Доме музыки позволил заново оценить этот уникальный опус.

Живое исполнение саундтрека позволяет ощутить все оше-

ломляющее безмолвие фильма. Без слов Годфри Реджио научился обходиться еще в ранней юности — он 14 лет практиковал обет молчания в католическом монашеском ордене. Похоже, что за эти годы он вообще научился разделять зрительное и слуховое восприятие мира. Людские толпы, потоки машин на запруженных улицах или взрывы обреченных на снос до-

мов и мостов здесь столь же беззвучны, как проносящиеся в небе облака или не знающие человеческого присутствия горные хребты. Кажется, что для того, чтобы навечно запечатлеть мир, из него выкачали весь воздух, заменив его новой субстанцией — собственно музыкой Филипа Гласса. Музыка эта обладает почти физической плотностью — струистый, переличатый, мощный звук просачивается во все щели мироздания, срачивает все трещины и заливает «картинку», подобно абсолютно прозрачной и сверхпрочной смоле, в которой быстротечные образы мира сохраняются навечно, как насекомые в янтаре.

Композитору Глассу невероятно подходит его фамилия — особенно если за английским glass (стекло) расслышать еще и французское glasse — лед и зеркало. Геометрически непогрешимое движение глассовских музыкальных фраз только на первый взгляд обладает текучестью воды. Его музыка — это вода, которая на наших глазах кристаллизуется, обращаясь в лед, в который вмержает все, что в нем отражается.

В фильме Годфри Реджио часто видят некое противопоставление природы и цивилизации, из которого неминуемо следует осуждение последней. Но, скорее, «Коянискацци» показывает цивилизацию как не-

кий природный цикл, никак не зависящий от воли человека. Башни высоковольтной линии здесь такая же часть ландшафта, как и горные хребты, потоки машин на автомагистралях повинуются тем же законам, что и течение рек, зажигающиеся и гаснущие городские огни — явление сродни восходу и закату солнца. Возможно, католик Годфри Реджио и вкладывал в образы городов и промышленных сооружений, сменяющих природные ландшафты, какой-то апокалиптический смысл. Но музыка Филипа Гласса сообщила фильму некую буддистскую отрешенно-фаталистическую интонацию. Та же интонация присутствует и в других саундтреках американского минималиста — будь то классический фильм ужасов «Кэндимэн» или недавняя интеллектуальная мелодрама «Часы». Наверное, в кинематографе существует некий «эффект Гласса», обратный «эффекту Кулешова». Русский кинорежиссер доказал, что в разных контекстах одно и то же изображение может обрести совершенно разные эмоциональные значения. Музыка Гласса, напротив, уравнивает своей умиротворенной меланхолией любые сюжеты и образы, вписывая их в единый порядок вещей — неизменный и непостижимый.

Почти весь «Коянискацци» снят либо в замедленном, либо

в ускоренном режиме. И когда где-то к концу фильма возникают сцены, показанные в нормальном времени, зритель уже не может синхронизироваться с ними — к этому моменту мы, вместе с создателями фильма, привыкли воспринимать проносящиеся перед нами образы как нечто, никак не соотносящееся с нашим индивидуальным переживанием времени.

Многие зрители подумали, что показанные в рапиде взрывы обреченных на снос кварталов отсылают к трагедии 11 сентября. Филипу Глассу приходилось напоминать, что фильм был сделан 20 лет назад, и остается только приписать Годфри Реджио пророческий дар. Так получилось, что один из российских дециметровых каналов показал «Коянискацци» 11 сентября 2001 года — поздно ночью, по окончании всех новостных программ, многократно повторявших кадры с взрывающимися башнями-близнецами. Тогда, наверное, мало кто стал наслаждаться шедевром Годфри Реджио и Филипа Гласса. Хотя, возможно, это единственный из всех когда-либо снятых фильмов, который можно было смотреть тем вечером — как некую заранее пережитую скорбь, вписавшую образы всех возможных катастроф и катаклизмов в неизменный и никак не зависящий от нас ход вещей.